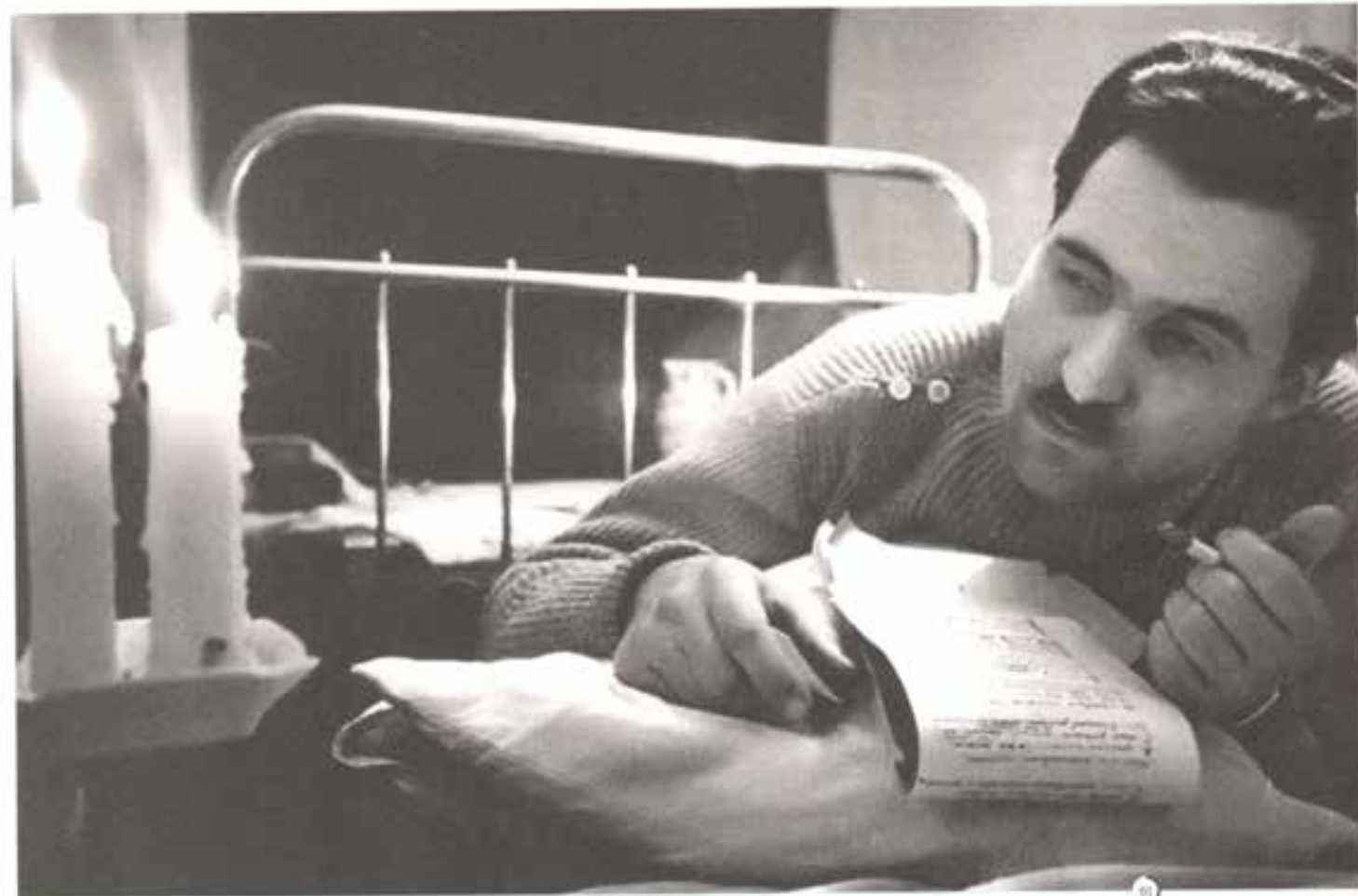

Текст: Геннадий Бочаров

КОНСТАНТИН СИМОНОВ: У ВОЙНЫ КАК МИНИМУМ ДВЕ ПРАВДЫ

ИСТОРИЯ АВТОГРАФА НА ФРОНТОВОМ СБОРНИКЕ, ИЗДАННОМ 25 АВГУСТА 1941 ГОДА

М

МОИ товарищеские отношения с Константином Михайловичем Симоновым продолжались в течение нескольких лет, до самой его кончины. Однажды, во время совместной работы над диалогом для «Комсомольской правды», ответственный секретарь редакции Г.С. Оганов (в последующие годы Оганов работал заведующим сектором телевидения ЦК КПСС) попросил меня познакомить его с автором самого знаменитого стихотворения военной поры «Жди меня».

Я сказал об этом Симонову.
Он согласился.

*1
Константин Симонов
на Северном флоте.
1941 год.

Мы приехали в «писательскую» однокомнатную квартиру Симонова у метро «Аэропорт» (жилая квартира Константина Михайловича находилась почти рядом). И новые знакомые с ходу вступили в спор. По ходу спора на самые разные темы, распития обжигающей, как пламя газовой горелки, чашки Оганов назидательно произнес: «Правда о войне, Константин Михайлович, бывает только одна».

Симонов сжал свои тонкие губы, внимательно посмотрел на Оганова, значительно моложе его, с реальной войной, как и я, не знакомого ни одной секунды, и, едва сдерживая эмоции, ответил: «Правда о войне, Григорий Суменович, не может быть одной. Их как минимум две. Правда первая: в годы войны погибло 9 миллионов советских людей. Правда вторая: в годы войны погибло 22 миллиона советских людей».

Я не был близким другом Константина Михайловича. Думаю, что самыми близкими ему людьми оставались те, с кем он прожил военное лихолетье. Но он находил возможным делиться со мной самой горькой информацией. В одну из встреч, например, он сказал: «Вчера был у Твардовского, похоже, все идет к концу... Саша пожаловался, что едва может вытянуть из колодца даже половину ведра воды. Сил нет». (А.Т. Твардовский — ближайший друг Симонова. В последние месяцы мучительной болезни ушел из Москвы и жил в деревне. — Авт.)

Провожая в последний путь А.Т. Твардовского, Симонов вряд ли знал, что он и сам уже безнадежно болен. Не задумывался он, как мне казалось, и над тем, что время и тяжелая болезнь связаны куда прочнее, чем время и крепкое здоровье.

В нашу последнюю встречу я привез Константину Михайловичу какие-то бумаги. Он лежал на тахте, укрытый пледом. Болел. Через несколько минут разговора он протянул мне уникальный подарок. Это была крошечная, тоненькая, пожелтевшая от времени книжечка, в которой под одной обложкой были собраны его самые первые репортажи с кровавых передовых, куда он попал в качестве спецкора «Красной звезды». Книжечка была издана для окопных товарищей в 21 тысячу экземпляров. Но автор смог сохранить два экземпляра в течение многих десятилетий.

Уникальность издания заключалась в том, что его выход в свет обозначался датой — 25 августа 1941 года. То есть спустя несколько недель после начала Великой Отечественной войны!

Поступок Симонова не был импульсивным. На врученном мне экземпляре стояла заранее написанная фраза: «Геннадью Бочарову с фронтовым, как говорится, приветом из сорок первого года. Константин Симонов».

Шли семидесятые.

Уходя от Константина Михайловича, я вдруг ощутил нечто неизведанное: сухой жар симоновской ладони не остывал, а лишь волшебным образом видоизменялся. Изменялся, как звук мощного органа, который при выходе из собора слабеет в ушах, но нарастает в сердце.

О смерти Симонова мне сообщил вскоре Владимир Трошкин, один из лучших советских кинодокументалистов, над которым Симонов шефствовал, будучи другом его убитого на фронте отца.

УХОДЯ ОТ КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА, Я ВДРУГ ОЩУТИЛ НЕЧТО НЕИЗВЕДАННОЕ: СУХОЙ ЖАР СИМОНОВСКОЙ ЛАДОНИ НЕ ОСТЫВАЛ, А ЛИШЬ ВОЛШЕБНЫМ ОБРАЗОМ ИЗМЕНЯЛСЯ

*2,3
Сборник 1941 года с дарственной надписью поэта.

*4
Эх, дорожка фронтовая... Корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов на Курской дуге. 1943 год.